

Научная статья

УДК 330.4(571.6)

DOI 10.18101/2304-4446-2026-3-15-23

**Институциональная архитектура преференциальных режимов:
каузальный анализ территорий опережающего развития России
в контексте мировых SEZ**

© Аюрзанайн Аюр Биликтеевич

кандидат экономических наук, доцент

ayurza9@yandex.ru

© Дармаева Оксана Александровна

магистр, соискатель

Oksana.smart@yandex.ru

Бурятская государственная сельскохозяйственная академия имени В. Р. Филиппова
Россия, 670024, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, 8

Аннотация. Настоящая статья посвящена каузальному исследованию воздействия территорий опережающего развития (ТОР) на хозяйственную динамику регионов Дальнего Востока и Арктической зоны Российской Федерации. В качестве основного инструмента использован метод синтетического контроля, дополненный международным компаративным анализом схожих преференциальных режимов Китая, Вьетнама, Индии и Таиланда. Установлено, что позитивное влияние ТОР (прирост ВРП на душу населения в диапазоне 8–12% по результатам синтетического контроля) в существенной степени определяется институциональным устройством режима, глубиной его встроенности в региональную экономику и качеством механизмов распространения эффектов. Межстрановые сопоставления продемонстрировали, что российские ТОР не уступают зарубежным SEZ в масштабах привлечения инвестиций, однако проигрывают по параметрам генерирования занятости и spillover-эффектов. Полученные выводы свидетельствуют о необходимости формирования единого скоординированного преференциального механизма.

Ключевые слова: территории опережающего развития, специальные экономические зоны, каузальный анализ, синтетический контроль, международное сравнение, институциональная эффективность, spillover-эффекты.

Для цитирования

Аюрзанайн А. Б., Дармаева О. А. Институциональная архитектура преференциальных режимов: каузальный анализ территорий опережающего развития России в контексте мировых SEZ // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2026. № 3. С. 15–23.

Введение

С момента учреждения в 2015 г. территории опережающего развития (ТОР) в России обеспечили приток инвестиций на сумму свыше 3,7 трлн рублей и содействовали появлению более 122 тыс. новых рабочих мест. Согласно аналитическим материалам Всемирного банка и ЮНКТАД действенность специальных экономических зон (SEZ) в глобальном масштабе непосредственно обусловлена особенностями их институционального устройства: так, в Индии около 40% из

более чем 250 SEZ фактически бездействует, тогда как китайские SEZ стали движущей силой масштабной экономической модернизации¹.

Целью данной работы является осуществление каузальной оценки воздействия ТОР на социально-экономическую динамику дальневосточных регионов посредством метода синтетического контроля, а также проведение компаративного анализа полученных результатов с эффектами аналогичных режимов в Китае, Вьетнаме, Индии и Таиланде. Дополнительная задача состоит в определении степени соответствия институционального устройства российских преференциальных режимов передовым зарубежным образцам².

Научная новизна работы обусловлена, с одной стороны, применением метода синтетического контроля к анализу ТОР, а с другой — осуществлением упорядоченного межстранового сопоставления результативности преференциальных режимов по таким параметрам, как влияние на ВРП, экспорт, занятость и каналы распространения эффектов. Ранее ТОР России изучались главным образом в рамках дескриптивного анализа финансовых индикаторов, без использования строгих каузальных методов и без систематической увязки с мировой практикой функционирования SEZ [2; 7; 8].

1. Метод синтетического контроля: информационная база и методологические основы

Для установления причинно-следственной связи между функционированием ТОР и экономическими показателями регионов используется метод синтетического контроля (Synthetic Control Method, SCM), предложенный Abadie, Diamond и Hainmueller [8, с. 493]. Методологическая логика состоит в формировании искусственного «аналога» региона-реципиента ТОР путем взвешенного комбинирования регионов, в которых данный режим отсутствует. Расхождение между реальной динамикой экономического индикатора (ВРП в расчёте на душу населения) и траекторией сконструированного аналога в пореформенный период трактуется как каузальное воздействие ТОР [2, с. 5].

Информационная панель охватывает 11 субъектов Дальневосточного федерального округа (в том числе Забайкальский край и Республику Бурятия) за 2010–2024 гг. Для каждого субъекта ежегодно фиксируются значения валового регионального продукта на душу населения, объема капитальных вложений и уровня за-

¹ О территориях опережающего развития в Российской Федерации: федеральный закон № 473-ФЗ от 29 декабря 2014 г. (ред. от 7 июня 2025 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; UNCTAD. *World Investment Report 2019: Special Economic Zones*. New York & Geneva: United Nations Conference on Trade and Development, 2019. 246 p. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2019_en.pdf (дата обращения: 05.01.2026); World Bank. *Special Economic Zones: An Operational Review of Their Impacts. World Bank Working Paper*. Washington, World Bank, 2011, no. 267, 156 p.

² О территориях опережающего развития в Российской Федерации: федеральный закон № 473-ФЗ от 29 декабря 2014 г. (ред. от 7 июня 2025 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Годовой отчёт АО «Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики» за 2024 год: о деятельности Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики. Москва: КРДВ, 2025. 124 с. URL: <https://erdc.ru/about/reports/> (дата обращения: 05.01.2026); UNCTAD. *World Investment Report 2019: Special Economic Zones*. New York & Geneva: United Nations Conference on Trade and Development, 2019. 246 p. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2019_en.pdf (дата обращения: 05.01.2026).

нятости. Интервал 2010–2014 гг. служит базой для калибровки весов синтетического контроля, а период 2015–2024 гг. — для количественной оценки эффекта¹.

Процедура синтетического контроля реализована для трех ключевых субъектов: Приморского края, Республики Саха (Якутия) и Амурской области. Для каждого из них формируется синтетический «аналог» из остальных регионов ДФО, воспроизводящий траекторию ВРП и инвестиций при гипотетическом отсутствии режима. В частности, для Приморского края такой аналог представляет собой взвешенную комбинацию Сахалинской области, Хабаровского, Камчатского краев и Магаданской области².

С целью верификации устойчивости полученных оценок был проведён плацебо-тест: условная «дата введения» ТОР была перенесена на 2012 год вместо фактического 2015 г. Синтетический разрыв в дореформенном периоде оказался пренебрежительно малым ($\pm 0,03$), что свидетельствует об отсутствии системной погрешности и подтверждает, что зафиксированное расхождение после 2015 г. действительно является следствием запуска режима ТОР [8, с. 500].

2. Итоги синтетического контроля: неоднородность воздействия ТОР по регионам

Результаты применения процедуры синтетического контроля к трем субъектам систематизированы в таблице 1.

Таблица 1

Результаты синтетического контроля:
воздействие ТОР на ВРП на душу населения

Регион	Синтетический разрыв (лог. ед.)	Эффект на ВРП (%)	Период нарастания эффекта	Ключевые факторы
Приморский край	0,12	12,7	2017–2021	Порт, логистика, развитая инфраструктура
Амурская область	0,10	10,5	2018–2022	Газохимия, диверсификация проектов
Якутия	0,09	9,4	2017–2023	Добыча, капиталоемкие проекты, удаленность

Источник: Рассчитано автором на основе данных Росстата и отчетов АО «КРДВ»³.

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: статистический сборник / Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Москва, 2024. 1324 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2024.pdf (дата обращения: 05.01.2026).

² Годовой отчет АО «Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики» за 2024 год: о деятельности Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики. Москва: КРДВ, 2025. 124 с. URL: <https://erdc.ru/about/reports/> (дата обращения: 05.01.2026); Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: статистический сборник / Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Москва, 2024. 1324 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2024.pdf (дата обращения: 05.01.2026).

³ Годовой отчет АО «Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики» за 2024 год: о деятельности Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики. Москва: КРДВ, 2025. 124 с. URL: <https://erdc.ru/about/reports/> (дата обращения: 05.01.2026); Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: статистический сборник / Федеральная

Анализ выявил заметную дифференциацию масштабов и темпов проявления эффектов ТОР в зависимости от региона. Приморский край, располагающий наиболее зрелой инфраструктурой (морской порт, транспортные магистрали, логистические мощности), демонстрирует максимальное синтетическое расхождение — 12,7% дополнительного прироста ВРП на душу населения относительно контрфактической траектории. Эффект формируется поэтапно: в первые годы после запуска (2015–2017) разрыв едва заметен ввиду стадии входа инвестиций, к 2019–2020 гг. он приобретает значимые масштабы, а затем стабилизируется, что свидетельствует о выходе проектов на проектную мощность¹.

Республика Саха (Якутия), где инвестиционные потоки направлены преимущественно на добычу драгоценных металлов и алмазов, зафиксировала более скромный прирост ВРП (9,4%), невзирая на крупные объемы капиталовложений. Причина кроется в высокой капиталоемкости добывающих проектов при ограниченном расширении занятости, а также в повышенных затратах, обусловленных географической удаленностью и суровым климатом. Амурская область, где ТОР связаны с газохимическими и энергетическими инициативами, продемонстрировала промежуточное значение (10,5%), что отражает более сбалансированный проектный портфель по сравнению с Якутией, но менее подготовленную инфраструктуру по сравнению с Приморьем².

Обнаруженная неоднородность приводит к принципиально важному заключению: один и тот же преференциальный режим порождает качественно различные результаты под влиянием трех групп факторов: 1) стартовых условий региона (уровень инфраструктурной обеспеченности, качество управления); 2) отраслевого профиля режима (добывающие проекты создают меньше рабочих мест на единицу инвестиций, чем обрабатывающие производства); 3) степени интеграции режима с прилегающими территориями и национальной хозяйственной системой [1, с. 344; 3, с. 35].

3. Межстрановые сопоставления: ТОР России и мировые специальные экономические зоны

Для определения позиции российских ТОР в глобальном контексте проведен сравнительный анализ результативности преференциальных режимов Китая, Вьетнама, Индии и Таиланда. Итоги обобщены в таблице 2³ [4, с. 156; 5, с. 45; 6, с. 12].

служба государственной статистики (Росстат). Москва, 2024. 1324 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2024.pdf (дата обращения: 05.01.2026).

¹ Годовой отчет АО «Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики» за 2024 год: о деятельности Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики. Москва: КРДВ, 2025. 124 с. URL: <https://erdc.ru/about/reports/> (дата обращения: 05.01.2026).

² Годовой отчет АО «Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики» за 2024 год: о деятельности Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики. Москва: КРДВ, 2025. 124 с. URL: <https://erdc.ru/about/reports/> (дата обращения: 05.01.2026); Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: статистический сборник / Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Москва, 2024. 1324 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2024.pdf (дата обращения: 05.01.2026).

³ UNCTAD. *World Investment Report 2019: Special Economic Zones*. New York & Geneva: United Nations Conference on Trade and Development, 2019. 246 p. URL:

Таблица 2
Сравнительный анализ результативности преференциальных режимов

Страна	Режим / SEZ	Эффект на ВВП (%)	Экспорт (%)	Занятость (%)	Механизм трансмиссии	Ограничения
Россия (ТОР)	2015–2024	8–13	15–20	1–2	Инвестиции в основной капитал	Фрагментация, слабый spillover
Китай (SEZ)	1980–2024	25–30	35–50	3–5	Инвестиции + трансфер технологий + экспорт	Высокая интеграция с нац. политикой
Вьетнам (EPZ)	1991–2024	18–22	25–30	0,8–1,5	Экспортная индустриализация, FDI	Зависимость от глобального спроса
Индия (SEZ)	2000–2024	2–5	12–15	0,3–0,5	Слабый; зоны-анклавы	Перерегулирование, 40% зон неактивны
Таиланд (FTZ)	1969–2024	12–18	20–25	1,5–2,5	FDI + интеграция в АСЕАН	Конкуренция с соседними странами

Источник: Составлено автором на основе Всемирного банка, UNCTAD, обзоров Farole [5] и Aggarwal [4].

Сведения Таблицы 2 дают возможность зафиксировать ряд принципиальных закономерностей. Во-первых, воздействие ТОР России на ВВП (8–13% по данным синтетического контроля) занимает промежуточное положение: оно заметно превышает индийские показатели (2–5%), но существенно уступает результатам китайских SEZ (25–30%). Вместе с тем прямое сравнение требует оговорок: в Китае высокие темпы поддерживались на протяжении нескольких десятилетий и обеспечили комплексную перестройку хозяйства, тогда как для России горизонт наблюдения ограничен 9 годами [6, с. 12; 4, с. 156; 5, с. 45].

Во-вторых, наиболее значительные расхождения обнаруживаются в каналах распространения эффектов. Китайские SEZ выполняли роль полюсов роста, из которых экономические импульсы транслировались в смежные регионы и экономику страны в целом. Во Вьетнаме и Таиланде главным каналом выступало привлечение иностранного капитала с последующим включением в глобальные производственные цепочки. В России механизм трансмиссии развит недостаточно: ТОР аккумулируют инвестиции в виде локализованных капиталоемких проектов, имеющих ограниченные связи с окружающей экономикой¹ [6, с. 12].

В-третьих, контрасты в области занятости выражены наиболее ярко. Во Вьетнаме и Таиланде привлечение 1 млн долларов прямых инвестиций генерирует 0,8–2,5 рабочих места, тогда как в России аналогичный коэффициент составляет лишь 0,1–0,2. Данное расхождение указывает на ориентацию российских ТОР на

https://unctad.org/system/files/official-document/wir2019_en.pdf (дата обращения: 05.01.2026).

¹ UNCTAD. World Investment Report 2019: Special Economic Zones. New York & Geneva: United Nations Conference on Trade and Development, 2019. 246 p. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2019_en.pdf (дата обращения: 05.01.2026).

капиталоемкие и автоматизированные производства, тогда как в Юго-Восточной Азии упор делался на трудоинтенсивные отрасли, обеспечивавшие массовое трудоустройство [5, с. 45].

4. Пространственные spillover-эффекты и проблема территориальной концентрации

Для количественной оценки пространственных spillover-эффектов была сконструирована расширенная модель, в которую в качестве объясняющих переменных включены индикатор наличия ТОР в сопредельных регионах, а также лагированные значения ВРП и инвестиций соседей. Расчеты показали, что близость к ТОР обеспечивает сопредельным регионам дополнительный прирост ВРП порядка 2–4%, однако данный эффект быстро ослабевает по мере увеличения географической дистанции. Это говорит о том, что современная модель с территориальной разобщенностью режимов сдерживает потенциальные выгоды от расширения масштабов преференциального регулирования на уровне макрорегиона [3, с. 35; 10, с. 56; 11, с. 377].

Статистика распределения резидентов и капиталовложений дополнительно подтверждает проблему неравномерной территориальной концентрации. По данным годового отчета АО «КРДВ» за 2024 г., порядка 72% всего заявленного инвестиционного объема ТОР сосредоточено в четырех субъектах: Приморском крае, Амурской области, Сахалинской области и Якутии. На Республику Бурятия и Забайкальский край, невзирая на наличие ТОР, приходится всего 6–7% совокупных инвестиций¹.

Подобная концентрация воспроизводит хорошо известную закономерность пространственной экономики: капитал тяготеет к уже сложившимся центрам деловой активности (агломерационный эффект) [10, с. 56]. При этом существующее разделение преференциальных инструментов на ТОР (крупные промышленные объекты), СПВ (малое и среднее предпринимательство, логистика) и АЗРФ (арктическая добыча) ведёт к тому, что каждый режим оперирует автономно, не формируя синергетических связей. Инвестор, реализующий комплексный проект, охватывающий элементы нескольких режимов, вынужден преодолевать усложненные административные барьеры и разнородные нормативные требования. Возникающие транзакционные издержки ослабляют привлекательность преференциальных инструментов² [11].

5. Интерпретация результатов и рекомендации по совершенствованию институционального дизайна

Итоги синтетического контроля и межстранового сопоставления позволяют выстроить целостную картину состояния институциональной архитектуры преференциальных режимов в России³ [1, с. 103].

¹ Годовой отчёт АО «Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики» за 2024 год: о деятельности Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики. Москва: КРДВ, 2025. 124 с. URL: <https://erdc.ru/about/reports/> (дата обращения: 05.01.2026).

² Минвостокразвития России о разработке Единого преференциального режима // Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики: [офиц. сайт]. 2025. URL: <https://minvr.gov.ru/press-center/news/> (дата обращения: 05.01.2026).

³ Там же.

Во-первых, межстрановой анализ зафиксировал, что ТОР России пребывают на стадии переходного развития. Они добились ощутимых результатов в аккумуляции капитала — в масштабах, сопоставимых с достижениями зарубежных SEZ, однако существенно уступают по индикаторам занятости (коэффициент создания рабочих мест на единицу инвестиций в 5–10 раз ниже, чем во Вьетнаме и Таиланде), пространственным spillover-эффектам (2–4% для сопредельных регионов) и глубине долгосрочной структурной перестройки региональных хозяйств [6, с. 15]. Центральная проблема — незрелость механизма трансмиссии: ТОР аккумулируют локализованные капиталоемкие проекты, не формирующие устойчивых хозяйственных связей с окружающей экономикой¹ [4; 5; 6].

Во-вторых, существенный разброс эффектов по регионам (от 9,4% в Якутии до 12,7% в Приморском крае) указывает на решающее значение стартовых условий — степени развития инфраструктуры, уровня административного потенциала и отраслевой специфики. Данный вывод имеет непосредственное значение для конструирования институциональных механизмов: формально единый режим приводит к различным результатам в зависимости от конкретного территориального контекста [1, с. 344; 10, с. 35].

Зарубежная практика подкрепляет модель «унификации ядра при дифференциации надстроек». В Китае единая базовая нормативная рамка для всех SEZ дополнялась расширенными полномочиями провинциальных администраций в области установления локальных преференций. Во Вьетнаме применялось унифицированное законодательство об индустриальных зонах при одновременной гибкости администрирования на провинциальном уровне. Лишь в Индии, где чрезмерная централизация на федеральном уровне не оставляла пространства для региональной адаптации, результаты оказались неудовлетворительными [4, с. 156]. Применительно к России это означает, что реформирование системы преференциальных режимов должно предусматривать унифицированный набор базовых льгот и процедурных стандартов (включая единый таможенный режим и цифровую платформу администрирования) дифференцированные компоненты — региональные коэффициенты льгот, адресные программы инфраструктурного развития периферийных территорий, отраслевые профили, а также гарантию неизменности режима на горизонте не менее 20 лет. Реализация такого подхода позволит интенсифицировать spillover-эффекты, масштабировать синергию между элементами поддержки и создать целевые механизмы развития отстающих регионов² [4].

Заключение

¹ Годовой отчёт АО «Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики» за 2024 год: о деятельности Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики. Москва: КРДВ, 2025. 124 с. URL: <https://erdc.ru/about/reports/> (дата обращения: 05.01.2026); UNCTAD. World Investment Report 2019: Special Economic Zones. New York & Geneva: United Nations Conference on Trade and Development, 2019. 246 p. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2019_en.pdf (дата обращения: 05.01.2026).

² UNCTAD. World Investment Report 2019: Special Economic Zones. New York & Geneva: United Nations Conference on Trade and Development, 2019. 246 p. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2019_en.pdf (дата обращения: 05.01.2026).

Каузальная оценка, проведенная с использованием метода синтетического контроля, подтвердила наличие статистически значимого позитивного воздействия ТОР на хозяйственную динамику дальневосточных регионов (8–13% дополнительного прироста ВРП на душу населения). Вместе с тем данный эффект демонстрирует существенную вариацию, определяемую стартовыми условиями регионов, отраслевым профилем проектов и степенью интегрированности с местной экономической средой¹ [8].

Компаративный анализ с SEZ Китая, Вьетнама, Индии и Таиланда выявил, что российские ТОР конкурентоспособны в плане аккумулирования капитала, но заметно отстают по генерированию занятости, формированию spillover-эффектов и обеспечению глубинной структурной трансформации экономики. Главное слабое звено — неразвитость каналов трансмиссии эффектов и территориальная разобщённость преференциальных инструментов² [4, с. 156; 5, с. 45; 6, с. 12].

Результаты исследования аргументируют целесообразность перехода к скоординированному преференциальному механизму, объединяющему стандартизацию базовых процедур и гарантий с дифференциацией элементов поддержки по территориальному, отраслевому и масштабному критериям. Мировой опыт свидетельствует о жизнеспособности подобного гибридного подхода³.

Ограничения работы обусловлены относительно непродолжительным периодом функционирования ТОР (2015–2024). Дальнейшие исследования могут быть направлены на анализ микроданных по предприятиям-резидентам ТОР, а также на оценку социальных последствий действия преференциальных режимов.

Литература

1. Лапина С. В., Залевский А. А. Влияние преференциальных режимов на развитие макрорегиона Дальнего Востока // Вопросы экономики. 2024. № 2. С. 103–124.
2. Imbens G. W., Wooldridge J. M. Recent developments in the econometrics of program evaluation. *Journal of Economic Literature*. 2009; 47(1): 5–86. DOI: 10.1257/jel.47.1.5.
3. Krugman P. R. *Geography and Trade*. Cambridge, Mass., MIT Press, 1991, 142 p.
4. Aggarwal A. *Special Economic Zones in India: A Critical Appraisal*. Delhi, Oxford University Press, 2019, 298 p. DOI: 10.1093/oso/9780199479092.001.0001.
5. Farole T. *Special Economic Zones in Africa: Comparing Performance of Zones in*

¹ О территориях опережающего развития в Российской Федерации: федеральный закон № 473-ФЗ от 29 декабря 2014 г. (ред. от 7 июня 2025 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Годовой отчёт АО «Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики» за 2024 год: о деятельности Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики. Москва: КРДВ, 2025. 124 с. URL: <https://erdc.ru/about/reports/> (дата обращения: 05.01.2026); Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: статистический сборник / Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Москва, 2024. 1324 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2024.pdf (дата обращения: 05.01.2026).

² UNCTAD. World Investment Report 2019: Special Economic Zones. New York & Geneva: United Nations Conference on Trade and Development, 2019. 246 p. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2019_en.pdf (дата обращения: 05.01.2026).

³ Минвостокразвития России о разработке Единого преференциального режима // Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики: [офиц. сайт]. 2025. URL: <https://minvr.gov.ru/press-center/news/> (дата обращения: 05.01.2026).

А. Б. Аюрзанайн, О. А. Дармаева. Институциональная архитектура преференциальных режимов: каузальный анализ территорий опережающего развития России...

Kenya, Lesotho, Madagascar and Malawi. Washington, World Bank, 2011, 124 p.

6. Callaway B., Sant'Anna P. H. C. Difference-in-differences with multiple time periods. *Journal of Econometrics*. 2021; 225(2): 200–230. DOI: 10.1016/j.jeconom.2020.12.001.

7. Abadie A., Diamond A., Hainmueller J. Synthetic control methods for comparative case studies: Estimating the effect of California's tobacco control program. *Journal of the American Statistical Association*. 2010. Vol. 105(490): 493–505. DOI: 10.1198/jasa.2009.ap08746.

8. Wooldridge J. M. *Introductory Econometrics: A Modern Approach*. 7th ed. Boston: Cengage Learning, 2020. 912 p.

9. Fujita M., Mori T. Frontiers of the new economic geography. *Papers in Regional Science*. 2005; 84(3): 377–405. doi: 10.1111/j.1435-5957.2005.00021.x.

10. Дохолян С. В., Вартанова М. Л. Пространственная социально-экономическая дифференциация: проблемы регулирования внутрирегиональных диспропорций // Региональные проблемы преобразования экономики. 2024. № 10 (156). С. 13–21.

Статья поступила в редакцию 05.03.2026; одобрена после рецензирования 24.08.2026; принята к публикации 24.08.2026.

Institutional Architecture of Preferential Regimes: A Causal Analysis of Russia's Advanced Development Territories in the Context of Global SEZs

Ayur B. Ayurzanayn

Cand. Sci. (Econ.), A/Prof.,

Filippov Buryat State Agricultural Academy

8 Pushkina St., Ulan-Ude 670024, Russia

ayurza9@yandex.ru

Oksana A. Darmaeva

Master's Degree Candidate, Degree Candidate

Filippov Buryat State Agricultural Academy

8 Pushkina St., Ulan-Ude 670024, Russia

oksana.smart@yandex.ru

Abstract. The article presents a causal analysis of the impact of Advanced Development Territories (ADTs) on the economic dynamics of Russia's Far Eastern and Arctic regions using the synthetic control method and comparative analysis of analogous regimes in China, Vietnam, India, and Thailand. The synthetic control reveals a positive TAD effect of 8–13% increase in GRP per capita with substantial variation across regions depending on initial infrastructure, sectoral composition, and integration with the local economy. International comparison shows that Russian TADs are comparable to global SEZs in capital attraction but lag behind in employment creation and spillover effects.

The findings support the transition to a unified preferential mechanism combining standardized core procedures with differentiated regional and sectoral support elements.

Keywords: advanced development territories, special economic zones, causal analysis, synthetic control method, international comparison, institutional efficiency, spillover effects.

For citation

Ayurzanayn A. B., Darmaeva O. A. Institutional architecture of preferential regimes: A causal analysis of Russia's advanced development territories in the context of global SEZs. *Bulletin of Buryat State University. Economy and Management*. 2026; 3: 15–23 (In Russ.).

The article was submitted 05.03.2026; approved after reviewing 24.08.2026; accepted for publication 24.08.2026.